

DOI: 10.31857/S013038640014691-8

© 2021 г. В.С. МИРЗЕХАНОВ, Л.В. ЛАННИК

БАТУМСКАЯ ПОДСИСТЕМА КАК ПРОСТРАНСТВО ОСМАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ В 1918 году: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Мирзеханов Велихан Салманханович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: lum62@yandex.ru

Researcher ID: J-1238-2018; Scopus Author ID: 57202778122

Ланник Леонтий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Researcher ID: ABD-9832-2020; Scopus Author ID: 57211606261

Аннотация. События и процессы, развернувшиеся на территориях, ставших постимперскими после Первой мировой войны, представляют собой сложнейшее поле исследования, особенно в регионах с такой широкой этноконфессиональной палитрой, как Закавказье (Южный Кавказ). Возрождение этнонациональных построений в историописании стран Восточной Европы и Ближнего Востока специалистами, активно занимающимися периодом 1914–1923 гг., проецирует современные конфликты на прошлое, деформируя анализ политического пейзажа этого региона. Это вызывает необходимость выдвижения новых моделей реконструкции динамики трансформации постимперских пространств, свободных от политической конъюнктуры и схематичных подходов национально ориентированной историографической традиции. Примером этого может являться не вызывавшая до сих пор пристального внимания исследователей система международных отношений, сложившаяся на основе Брестского мира Центральных держав с Советской Россией, в той его части, что касалась Закавказья. Ее региональный эффект был отмечен попытками изменить, переструктурировать и даже деформировать систему за счет Батумских договоров, заключенных 4 июня 1918 г. Османской империей с рядом кавказских государств, возникших на обломках державы Романовых. Особенности прошедших в регионе в феврале–мае 1918 г. переговоров на фоне продолжающихся боевых действий не только выявили, но и обострили целый ряд территориальных, политических и этнических конфликтов. Завершение Великой войны на Кавказском фронте не принесло мир региону, борьба была не окончена, а преобразована в более сложную структурно многостороннюю и многослойную схватку за гегемонию на Кавказе. Беспрецедентную роль в ней, благодаря распаду Российской империи и глубокой дестабилизации Османской империи в 1918 г., стали играть Германская и Британская империи. Это требует поместить события и процессы на Кавказе, рассматриваемые до сих пор в рамках гражданских войн и войн за независимость в регионе, в транснациональный контекст, что позволяет иначе оценить роль Брестского мира и Батумских договоров в истории всех затронутых ими стран. Рассмотрение условий и последствий этих соглашений вне рамок нарративов конкурирующих национальных историографий позволяет прояснить логику многих геополитических процессов не только в 1914–1923 гг., но и в последующие десятилетия.

Ключевые слова: Закавказье, Первая мировая война, Кавказский фронт, Брестский мир, Батумские договоры 1918 г., Батумская подсистема.

V.S. Mirzekhanov, L.V. Lannik

The Batum Subsystem as a Space of the Ottoman Hegemony in Transcaucasia in 1918

Velikhan Mirzekhanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: lum62@yandex.ru

Researcher ID: J-1238-2018; Scopus Author ID: 57202778122

Leonty Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Researcher ID: ABD-9832-2020; Scopus Author ID: 57211606261

Abstract. The events and processes that unfolded in the post-imperial spaces during and after the Great War represent a very complex field of research, especially in regions with such a wide ethno-confessional variety as Transcaucasia (also known as the South Caucasus). The revival of ethno-national narratives of the period between 1914–1923 in the historiography of the countries of Eastern Europe and the Middle East projects modern conflicts into the past, distorting the analysis of the political landscape of the region. This makes it necessary to put forward new models for reconstructing the dynamics of transformation of post-imperial spaces, free from political conjuncture and schematic approaches of the nationally oriented historiographical tradition. An example of this is the system of international relations that has not yet attracted the attention of scholars, which was formed on the basis of the Treaty of Brest-Litovsk concluded between the Central Powers and Soviet Russia, affecting also the South Caucasus. Its regional effect was marked by attempts to change, restructure, and even deform the system through the Treaty of Batum signed on June 4, 1918, between the Ottoman Empire and the three Transcaucasian states that emerged from the wreckage of the Russian Empire. The peculiarities of the negotiations and parallel military operations that took place in the region in February–May of 1918 not only revealed the existence of several territorial, political, and ethnic conflicts but also aggravated them. The end of the Great War on the Caucasian Front did not bring peace to the region: the struggle was not over, but transformed into a more complex, structurally multi-sided and multi-layered, struggle for hegemony in the Caucasus. Due to the collapse of the Russian Empire and the structural destabilisation of the Ottoman Empire in 1918, the German and British Empires began to play an unprecedented role in it. This requires placing the events and processes in the Caucasus, which are still considered within the framework of civil wars and wars of independence in the region, in a transnational context, which allows assessing differently the role of both the Treaty of Brest-Litovsk and the Treaty of Batum in the history of all the countries affected by them. Considering the terms and consequences of these agreements outside the narratives of competing national historiographies makes it possible to clarify the logic of many geopolitical processes not only in 1914–1923 but also in the following decades.

Keywords: Transcaucasia, the First World War, the Caucasian Front, the Treaty of Brest-Litovsk, the Treaty of Batum, the Batum subsystem.

Великая война на Восточном и Кавказском фронтах не окончилась после подписания перемирий в Брест-Литовске, Фокшанах и Эрзинджане в декабре 1917 г. Мира в Восточную Европу не принесла и последующая серия мирных договоров (в Брест-Литовске, Бухаресте, Берлине, Батуме), хотя обстоятельства их заключения не подразумевали какой-либо неопределенности в статусе победителей и проигравших. Никаких шансов на достижение действительно стабильной обстановки и на прекращение вооруженного противостояния не было не только из-за отсутствия к этому доброй воли договаривавшихся сторон. Скорее, наоборот,

несмотря на явное стремление стран-подписантов к устойчивому миру, заключаемые соглашения были в принципе не способны зафиксировать новые реалии в регионе. Во-первых, это было исключено на фоне продолжавшейся и вступившей в стадию кульминации Первой мировой войны. Во-вторых, ряд подписанных еще в первом квартале 1918 г. мирных договоров не был увязан в целостную систему и не ставил важнейшую проблему: управляемой трансформации огромного пространства распавшейся империи Романовых. С учетом близкой перспективы распада и других империй, в первую очередь Австро-Венгрии и Османской Турции, такой подход со стороны государственных деятелей Центральных держав был по-своему объясним, но не имел перспектив. Темп событий и сложность конфликтов, затронувших половину территории Евразии, исключали последовательную имплементацию любых, даже самых выгодных победителям, договоров. Практическая задача преобразования постимперских пространств в интересах поддержания целостности уцелевших в войне империй оказалась не по силам ни творцам Бреста, ни тем, кто и не подумал учесть его уроки, готовя серию договоров в Версале.

Помимо социальных, этнических и религиозных конфликтов, все территории бывшей Российской империи оказались заложниками противостояния двух коалиций великих держав, а также сложной борьбы внутри каждой из них за влияние и передел плодов одержанных побед. Региональная специфика становилась в этом контексте лишь инструментом и поводом к проекции геополитических столкновений на местный «материал»¹. В регионах, исторически находившихся на стыке сразу нескольких империй, это приводило к наиболее сложному развитию событий и подбору акторов. Исследовательские задачи, поставленные в региональном масштабе, оказывались непосильными даже коллективам исследователей, с учетом по меньшей мере языковых проблем. Темы основных исследований, как будет показано ниже, были сформулированы таким образом, что в них, как правило, избегали целостного анализа процессов, обращаясь к рассмотрению отдельных составляющих конфликта. Скованный единой логикой процесс искусственно разбивался на серию параллельных и якобы не связанных друг с другом двух- или трехсторонних противостояний, ограниченных национальными или хронологическими рамками, которые подбирали, исходя из текущей политической конъюнктуры, т.е. через призму реалий иных десятилетий, а затем и другого столетия.

Едва ли не самой сложной по структуре, интенсивности и пластичности процессов оказалась политическая ситуация в Закавказье: на всем пространстве между линией Кавказского фронта, к декабрю 1917 г. пределом германо-турецкого продвижения в Персию, побережьем Каспийского моря от Энзели до Петровска², Терекотом и Главным Кавказским хребтом. Крайняя неоднородность данной территории столь очевидна, что ее можно отнести к единому региону лишь с существенными оговорками.

По состоянию на начало XX в. территории в очерченных выше пределах объединял по меньшей мере тот факт, что все они являлись (пост)имперским пространством сразу трех империй, находившихся на разных стадиях распада: Российской, Османской и Персидской. Все более интенсивное воздействие на развитие региона и деформацию прежних общественно-политических структур оказывала многогранная активность еще двух империй: Британской и Германской. В ходе Первой мировой войны две эти великие державы, ранее не имевшие прямого доступа к землям между Черным и Каспийским морями, получили беспрецедентные возможности для наращивания влияния в прежней зоне явного доминирования Российской империи, действуя сразу по обе стороны образовавшихся фронтов. Быстро прогрессирующая с конца 1917 г. фрагментация постимперского

¹ См. подробнее: *Мирзеханов В.С.* Пересечение и взаимовлияние региональной и национальной истории: методологические этюды // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). URL: <https://history.jes.su/s207987840012994-2-1/> (дата обращения: 15.01.2021).

² Ныне — г. Бендер-Энзели и г. Махачкала.

пространства не только увеличила количество акторов в региональных процессах, но и усложнила задачу минимальной прогностики вплоть до невозможности предсказать даже общую динамику в расстановке сил. При этом каналы воздействия и перспективы вмешательства Великобритании и Германии обрели новые масштабы, что также стало важнейшим фактором во всех процессах трансформации Закавказья с конца 1917 г. до, по меньшей мере, подписания Лозаннского договора 1923 г.

Безусловно, сложнейшим по структуре и насыщенности периодом внутри этой эры болезненной ломки прежних имперских структур и границ стал «брестский» период. Его можно датировать промежутком между декабрем 1917 г., т.е. подписанием перемирий на фронтах распадающейся русской армии, и декабрем 1918 г. — завершением вывода германских и османских войск с территорий бывшей Российской империи и началом нового этапа британского военного присутствия в ключевых портах региона. Именно в этот период максимума достигло и прямое воздействие западноевропейских держав на определение судьбы территорий между Черным и Каспийским морями и бывшей Османской империи. Это вызывает особое внимание к этому периоду в истории Южного Кавказа и требует сложной источниковедческой и историографической экспертизы данной проблемы.

Рассмотрение указанного промежутка в истории обозначенного макрорегиона диктует необходимость выбора приоритетов в реконструкции логики событий. Национальные историографии — при учете их существенных плюсов, в первую очередь фактологических, — оказываются почти не релевантными для исследований даже общерегионального масштаба не только в силу ангажированности и политизированности, но и в связи с общей фрагментарностью и недостаточным уровнем обобщения описываемых событий. Целый ряд явлений, вызывающих пристальный интерес специалистов из Грузии, Армении, Азербайджана, ряда национальных республик РФ, Абхазии, Южной Осетии, оказывается искусственно лишенным контекста и общей логики взаимодействия. История постимперского пространства подменяется историей в новых этнонациональных вариациях без сколько-нибудь убедительных методологических оснований. Ее пытаются вписать даже в архитектуру и тектонику международных отношений начала XXI в., «решая» с помощью исторического материала любых эпох задачи национального строительства, о пагубности чего десятилетиями предупреждают ученые³.

Во многом аналогичные недостатки можно констатировать и в подходах и канонах новейшей российской и турецкой историографий. В многослойном по логике и масштабам конфликте в Закавказье они сосредотачиваются на приоритетном для себя уровне — межнациональном, межконфессиональном (как турецкая, ведущая полемику с армянскими учеными из разных стран) или социальном (как советская, а нередко и постсоветская), — игнорируя иные измерения анализируемых процессов, даже если это заводит в логический и эмоциональный тупик сразу целый ряд претендующих на обоснование концепций складывания текущего территориально-государственного устройства. В первую очередь это касается исследования воздействия на регион внешних сил — британских и германских эмиссаров, — а также направляемых ими денежных потоков и организаторов местных вооруженных сил. Исключения, выбивающиеся из такого общего подхода, есть и в российской, и в турецкой историографии, однако до сих пор им не удалось «переломить» прежнюю историографическую картину. Несмотря на ряд успешных исследовательских проектов и академический энтузиазм отдельных специалистов, до сих пор остается недостаточным по объему и темпу трансфер достижений и диалог ведущих специалистов из стран, которые сыграли огромную роль в прошлом и настоящем региона.

³ См., например: *Suny R.G. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. № 4. P. 862–896.*

Ярчайшим примером этого являются дискуссии вокруг преследований армян и ряда других этноконфессиональных общностей, поступательное развитие которых⁴ окончилось к началу 2010-х годов и даже явно регрессирует под влиянием сорвавшейся историзации данной проблематики текущей внешнеполитической конъюнктуры. Неоднозначный эффект возымела также серия юбилеев независимости различных закавказских республик и иных событий 1918–1921 гг. Сказывается и системная коммерциализация науки. К сожалению, в погоне за вниманием читателей даже академические исследования явно фокусируются на болевых точках, а не на аналитических проблемах и заполнении зияющих лакун в историографии⁵.

Аспект внешнего имперского влияния значительно больше интересует западноевропейскую историографию, в том числе германских и британских специалистов, однако нередко основные успехи на этом пути были достигнуты еще в эпоху холодной войны⁶. Поэтому современным исследователям приходится базироваться на работах, не свободных от реалий всестороннего идеологического противостояния. Кроме того, в трудах десятилетия сохраняющих значение базовых, нередко встречаются неточности и фактические ошибки (в датах, последовательности событий, должностях и званиях действующих лиц и т.д.)⁷. При всех успехах «новой имперской истории» в 2000-х годах следует отметить, что это направление оказалось не свободно от конъюнктуры соответствующей эпохи, порой концентрируясь исключительно на критике практик имперских центров или на их негативном воздействии на имперские окраины. При всей важности и аргументированности данных исследований они далеко не всегда способны описать действия имперских властей на геополитическом уровне, ведь не учитывают логику великодержавных устремлений, концентрируясь на гуманитарных и культурных аспектах давления на местное население в ущерб жестким закономерностям затяжного противостояния имперских элит. Спецификой российской историографии является затянувшееся

⁴ См. о попытках организовать дискуссионные площадки одним из самых востребованных в западной историографии специалистом армянского происхождения по истории региона: *Суни Р.Г.* Диалог о геноциде: усилия армянских и турецких ученых по осмыслению депортаций и резни армян во время Первой мировой войны // *Империя и нация в зеркале исторической памяти*. М., 2011. С. 75–114.

⁵ Это хорошо видно по заглавию новейшей и фактически первой масштабной биографии Талат-паши: *Kieser H.-L.* Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniengenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020. Ни одной масштабной монографии по истории германской оккупации Грузии в 1918 г. нет до сих пор, несмотря на ряд опубликованных и в СССР, и в Грузии, и в Германии документов и материалов. В том числе потому, что есть попытки уклониться от признания самого факта оккупации, заменив это иными военно-политическими терминами. Аналогичные работы по истории германского военного присутствия в Финляндии, Польше, Прибалтике, на Украине продолжают публиковаться. См., например: *Hentilä M., Hentilä S.* 1918 – das deutsche Finnland: die Rolle der Deutschen im finnischen Bürgerkrieg / aus dem Finn. von B. Schweitzer. Bad Vilbel, 2018.

⁶ *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien – München, 1966 (Mainz, 2010); *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. I. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917; T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien – Köln – Weimar, 1975, 1992; *Zürner W.* Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978; *Idem.* Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern – Frankfurt a.M. – Las Vegas, 1978. С советской стороны достаточно назвать: *Завриев Д.С.* К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1947; *Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М., 1964; *Пипия Г.Н.* Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978.

⁷ См., например, версию рассматриваемых в данной статье событий в Закавказье в феврале–июне 1918 г. в знаменитой работе Ф. Фишера: *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2016. С. 572–579.

преодоление прежней советской модели описания «эпохи Гражданской войны и интервенции», поэтому по-настоящему новые работы по истории межимперской борьбы, Большой игры и вакуума власти на Востоке в межвоенный период появились сравнительно недавно⁸.

Ответ на многие открытые или даже не ставившиеся до сих пор вопросы могли бы дать масштабные публикации новых источников. Национальные правительства еще на стадии дипломатического признания пытались сформировать собственную документальную версию событий вокруг становления новых государств⁹. На следующей стадии развития историографии нередко предпринимались попытки создания корпуса источников по двусторонним отношениям, хотя с учетом большого количества конкурирующих акторов в Закавказье создания полноценного набора таких документальных сборников вряд ли приходится ожидать. В постсоветский период предпринимались попытки по публикации документов и созданию истории отдельных республик в 1917–1921 гг.¹⁰, однако эти усилия довольно фрагментарны и свелись к актуализации ряда локальных сюжетов.

Для рассмотрения истории постимперских пространств, особенно таких фронтирных зон, как Закавказье, фундаментальное значение имеют и действия локальных акторов, и межимперские взаимоотношения. Именно анализ межимперского взаимовлияния и соперничества способен поставить контакты с региональными партнерами и сателлитами той или иной державы в контекст, не прослеживающийся при реконструкции только двусторонних отношений. Поэтому для рассматриваемой темы важны не только грузино-, армяно-, азербайджано-германские и -османские отношения, а в большей степени германо-османские, германо-советские и германо-российские, а также аналогичные факторы, раскрывающие деятельность Британской империи в регионе. Еще более показательными были бы подборки источников по коалиционному взаимодействию с региональными/локальными акторами, которые демонстрировали бы сложнейшие внутрикoалиционные коллизии, однако таких работ, как и вообще трудов по коалиционной стратегии в годы Великой войны, до сих пор крайне мало¹¹.

Следует констатировать, что, несмотря на определенные усилия по вводу в оборот новых источников¹² и по переизданию и переводу (или хотя бы оцифровке) мемуаров¹³, многое из некогда опубликованного германскими и британскими эмиссарами в регионе, а также деятелями Османской империи и новых независимых государств давно превратилось в библиографическую редкость¹⁴. По-прежнему немало не востребованных

⁸ См., например: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019; *Улунян А.А.* Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

⁹ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919.

¹⁰ См.: *Марыхуба И.* Абхазия: прошлое и настоящее. Сухум, 2007; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1919 гг.). Документы и материалы / Под ред. Х.А. Амирханова и др. Махачкала, 2013.

¹¹ Общекоалиционные исследования, особенно по истории Центральных держав, до сих пор не получили должного развития. Помимо уже указанной работы В. Биля, можно лишь приветствовать появление едва ли не первой работы по коалиционным действиям Центральных держав на Салоникском фронте в надежде, что вскоре соответствующие работы последуют и по Кавказскому фронту: *Bachinger B.* Die Mittelmächte an der Saloniki-Front 1915–1918. Zwischen Zweck, Zwang und Zwist. Paderborn, 2018.

¹² Например: Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.

¹³ См., например: *Niedermayer O.v.* Unter der Glutsonne Irans. Kriegserlebnisse der deutschen Expedition nach Persien und Afghanistan. München, 1925; *Blücher W.v.* Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Biberach, 1949; *Бэйли Ф.* Миссия в Ташкент / Пер. с англ. А. Михайлова. М., 2013.

¹⁴ Список может быть очень длинным, например: *Essad Bey.* Blut und Öl im Orient. Leipzig, 1929; *Volk H.* Öl und Mohammed: "Der Offizier Hindenburgs" im Kaukasus. Breslau, 1938.

исследователями рукописей, написанных участниками событий в Закавказье, в том числе иностранного происхождения, и в российских архивах¹⁵. Разумеется, сравнительно полный обзор историографии и перспектив изучения указанного круга проблем возможно дать лишь в рамках специального монографического исследования или серии статей. Но и после краткого обзора следует отметить необходимость «перезагрузки» сложившихся в историографиях концепций и нарративов.

Исходя из источниковой и историографической ситуации, сложившейся за столетие политических дискуссий и исторических исследований, возможно предложить следующую рабочую гипотезу, призванную вывести изучение вопроса за рамки канонов национально ориентированного повествования. Она призвана систематизировать на новой основе накопленный огромный объем фактологии и базовые версии основных событий в избранный период истории региона и диагностировать сохраняющиеся логические лакуны или зоны умолчания в общей ткани реконструируемых процессов на постимперском пространстве. Плюсы и минусы предлагаемой ниже версии, разумеется, подлежат апробации и обсуждению в международном сообществе специалистов. Только это позволит констатировать достижение заявленных целей и общую корректность нового подхода к сложнейшему клубку событий в очерченном выше макрорегионе в 1918 г., а в дальнейшем — и в 1914—1923 гг.

Общая системность динамики международных отношений, тем более в Новое и Новейшее время, давно не подвергается сомнению¹⁶. Всякое масштабное соглашение между группой стран оказывается включено в сложную структуру взаимодействия в степени и на уровне, порой совершенно не отвечающим пожеланиям или предположениям творцов договора. При этом до сих пор в историографии и теории международных отношений преобладает тенденция исследовать действительно состоявшиеся и юридически оформившиеся международно-политические системы, эволюцию которых можно проследить в масштабе длительного периода времени, как правило, в несколько десятилетий. Однако не существует методологических оснований к принципиальному отказу от анализа едва наметившихся или быстро свернутых систем международных отношений, существовавших недолго. Новейшие исследования показывают, что недоучет воздействия «несостоявшихся» систем и подсистем и порожденных ими проблем сказался не только на развитии и трансформации глобальных версий мироустройства, в частности Версальской, но и на последующих попытках их осмысления¹⁷. Одним из примеров такой «failed system» является Брестская система международных отношений, появившаяся к началу 1918 г. на пространствах Восточной Европы, а затем Передней Азии в связи с якобы одержанной Центральными державами победой на Восточном и Кавказском фронтах Великой войны. Она была призвана оформить гегемонию Германской империи и обеспечить существенное расширение сферы влияния ее союзников за счет постимперских пространств, в первую очередь на территории бывшей Российской империи, также в Румынии, Персии, Афганистане, а по мере становления системы — и в других государствах и регионах Евразии. Косвенным доказательством ее существования и восприятия Антантой данной угрозы являются условия Компьенского перемирия,

¹⁵ Например, подготовленные некогда к печати и почти неизвестные исследователям воспоминания начальника штаба у Халил-паши, затем у Нури-паши в 1917—1918 гг. германского подполковника Э. Паракена: *Paraquin E. Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.]*.

¹⁶ *Миньяр-Белоручев К.В.* Взаимодействие ядра и периферии системы международных отношений в историческом аспекте // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 5—20.

¹⁷ Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917—1923. Сборник статей / Ред. Р. Герварт и Д. Хорн. М., 2014; *Мирзеханов В.С.* Версаль и Турция: тернистый путь к национальному государству // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 6 (80). URL: <https://history.jes.su/s207987840006002-1-1/> (дата обращения: 15.01.2021).

аннулировавшие все договоры, заключенные Германией на Востоке (статья 15)¹⁸, что следует воспринимать как носившее системный характер неприятие государствами-победителями всех параметров переустройства громадного региона Центральными державами.

На ходе событий в самой активной фазе трансформации отразилась значительная инерция предшествующих усилий обеих воюющих коалиций. Сказывался еще довоенный передел сфер влияния в регионе, выразившийся в серии сложных компромиссов между Великобританией, Германией и Россией в 1912–1914 гг., а также в перипетиях становления различных фаз младотурецкой диктатуры. Уже в 1915 г. после задействования всеми воюющими и конкурирующими сторонами средств этноконфессиональной мобилизации местного населения (и не только армян и айсоров, но и части картвельского населения) формированием Грузинского легиона, а также традиционных попыток проецировать влияние халифа на горцев Северного Кавказа) стало очевидно, что итоги Первой мировой войны приведут к радикальным, но не управляемым переменам в расстановке сил и в границах внутри единого географически, но крайне неоднородного во всех остальных отношениях макрорегиона между двумя морями. Системность перемен, происходивших на всей указанной выше территории, иллюстрирует и тот факт, что к середине 1915 г. (всего через полгода после вступления в войну Османской империи) стало очевидно, что нейтралитет Персии не может остановить распространения и на ее земли начавшихся необратимых процессов дестабилизации. Едва стихшая в стране после 1911 г. ожесточенная борьба различных группировок старательно раздувалась обеими коалициями, причем Россия и Великобритания, как и в предшествующие десятилетия, действовали открыто, а то и демонстративно, а Германия и Порты пытались использовать все более острое недовольство таким явным унижением персидского суверенитета¹⁹. Не сумели остаться в стороне от схватки даже представители нейтральной Швеции, занимавшие влиятельные позиции в создаваемой жандармерии, а с 1915 г. ставшие одной из главных прогерманских сил в Тегеране.

Кампания 1916 г. лишь закрепила сложившиеся тенденции, ведь захваченные русской армией громадные территории Восточной Анатолии оказались перед перспективой возможной потери османского суверенитета. Это свидетельствовало о начале пост- либо межимперской трансформации огромной территории между Трабзоном, Эрзинджаном, оз. Урмия и русско-турецкой границей, установленной по Берлинскому трактату. Кроме того, следует отметить общественные настроения и атмосферу, крайне важные и чувствительные для данного региона, сложившиеся после сенсационной капитуляции британских войск под Кут-эль-Амарой и триумфом Центральных держав в Дарданеллах (конец декабря 1915 г. – начало января 1916 г.). Данная тенденция только укреплялась ходом событий и на протяжении почти всей кампании 1917 г., когда прекращение активных боевых действий на Кавказском фронте, предотвратившее катастрофу османской армии, было во многом компенсировано знаковыми поражениями в Месопотамии (падение Багдада) и в Палестине (потеря Иерусалима), а также ускоренной деградацией системы снабжения турецких войск на всех театрах военных действий и явной неспособностью подготовить контрнаступление хотя бы на одном из фронтов даже с более масштабной, чем прежде, германской и австро-венгерской помощью. В 1917 г. еще раз были развеяны надежды на усиление антиантантовских группировок в Афганистане

¹⁸ Аналогичные принципы были заложены и в других перемириях, подписанных до этого союзниками Германии, в том числе в Мудросском перемирии с Османской империей от 30 октября 1918 г.

¹⁹ См., подробнее: *Gehrke U.* Persien in der deutschen Orientpolitik während Ersten Weltkrieges, 2 Bde. Stuttgart, 1960; *Исъягин Л.Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М., 1979; *Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004.

и Персии²⁰. Вплоть до конца ноября 1917 г. не было и очагов гражданской войны в тылу Кавказского фронта и на Северном Кавказе, несмотря на быструю дезорганизацию базовых административных и общеимперских экономических структур в России. Таким образом, каких-либо перспектив для успешной османской экспансии на восток и северо-восток не ожидалось вплоть до известий о большевистской революции.

И без того ощутимая динамика трансформации региона, становившегося после революции в России уже постимперским пространством, была резко ускорена развалом русской армии, ее поспешной и плохо управляемой демобилизацией и быстрым обострением обстановки в Закавказье. Хотя османская военная элита далеко не сразу сполна оценила степень беспомощности российских военных структур и недееспособность властей уже заявившего о своей автономии региона к югу от Кавказского хребта, признаки резкого изменения в соотношении сил были очевидны. Не смогли — в том числе по климатическим и инфраструктурным причинам — отвлечь на себя дополнительные силы и войска Британской империи, взявшие с декабря 1917 г. паузу, если не считать попыток быстро перехватить контроль над ранее российской зоной влияния в Северной Персии.

Новая фаза беспрецедентной дестабилизации в регионе началась в связи с комплексом событий, связанных с Октябрьской революцией в России. Важнейшими следствиями решений, принятых в ноябре—декабре 1917 г. в Петрограде и Брест-Литовске, стал выход Закавказья из-под контроля центральной российской власти, а также специфические условия демобилизации Кавказского фронта после перемирия в Эрзинджане (подписано после переговоров 15—18 декабря 1917 г.)²¹. Последняя не имела аналогов среди всех остальных соединений русской армии, ведь сопровождалась кровопролитными межнациональными стычками, которые вылились впоследствии в волну масштабного военизированного насилия на Южном Кавказе в 1918—1922 гг.²² Дальнейшие стадии обоих процессов — отделения Закавказья от России и ликвидации прежних вооруженных сил с неудачными попытками их замены национальными вооруженными формированиями — гарантировали специфику положения региона в условиях неожиданного поражения Антанты на Кавказском театре военных действий. Для эффективных контрмер бывшим союзникам России необходимы были крупные силы (а не только отправленные в Энзели британские отряды Данстервиля)²³, рычаги влияния на местные элиты (особенно в Баку и Тифлисе) и не менее нескольких месяцев для реструктуризации лояльных державам Согласия сил с помощью финансовой и военной поддержки. Всеми этими возможностями Великобритания (а тем более Франция) не обладала. Правда, крайне слабыми были и силы Германии в регионе, которые были в лучшем случае сопоставимы с британским потенциалом. В этих условиях единственной крупной силой, стремящейся к субъектной внешней политике (т.е. к экспансии) на Южном Кавказе²⁴, оказалась Османская империя. Это и предопределило динамику событий и следующий этап трансформации постимперских пространств по меньшей мере до крушения османских фронтов в Сирии и Месопотамии во второй половине сентября 1918 г.

Базовую логику последующих процессов — пусть и не всегда осознанную основными акторами событий — определял тот факт, что по меньшей мере теоретически новое

²⁰ *Blücher W.v.* Op. cit. S. 62ff.

²¹ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 13—23; *Шахин Э.* Отделение Кавказа от России в первые послереволюционные годы (1917—1918) // Русский сборник. Т. 28. Гражданская война и интервенция в России. М., 2020. С. 59—63.

²² *Croissant M.P.* The Armenia — Azerbaijan Conflict: Causes and Implications. London, 1998; *Муханов В.М.* Кавказ в революционную пору...: к истории Закавказья в 1917 — первой половине 1918 г. М., 2017.

²³ См., подр.: *Денстервиль.* Британский империализм в Баку и Персии 1917—1918. Воспоминания / Пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.

²⁴ В данном случае имеется в виду утвердившийся в современной историографии термин, хотя с географической точки зрения это понятие дискуссионное.

устройство региона определял Брестский мирный договор от 3 марта 1918 г., ряд статей которого (как и до этого перемирия, подписанного в Бресте) прямо затрагивал территории Южного Кавказа. В связи с многочисленными лакунами и беспрецедентным в истории дипломатии ходом согласования данного «соглашения» он был обречен на многочисленные осложнения даже в ходе его добровольной имплементации всеми странами-подписантами. Это гарантировало и постоянную доработку, и редактирование его условий, в том числе за счет подписания серии новых соглашений между Центральными державами и новыми кавказскими государствами, возникшими на обломках Российской империи. Хотя они были довольно плохо согласованы друг с другом, однако объединялись по меньшей мере фактом инсталлирования германской гегемонии во всей Восточной Европе и на контролируемых Четверным союзом территориях Ближнего Востока. Заинтересованность в Германской империи, и Австро-Венгрии, и Советской России в прочном мире на основе договора от 3 марта с неизбежностью вела хотя бы к попыткам выстроить работающую, действенную систему международных отношений, которую логично называть Брестской системой. Разумеется, весомые предпосылки к ее созданию никак не исключали противоположных тенденций и деструктивных (в системном отношении) целей и действий различных региональных держав. На Южном Кавказе такими «анти-брестскими» силами оказались едва ли не все основные акторы событий, ведь Закавказская федерация в логике своих действий отказывалась признавать обязательными для себя любые договоры, подписанные большевистским правительством. Резко негативную роль в становлении устойчивого «брестского порядка» быстро стала играть и подписавшая договор от 3 марта Османская империя, ведь уже в середине февраля 1918 г. (когда возобновились наступление турецких войск) стало казаться, что вакуум власти в регионе предоставляет возможность его переустройства полностью под диктовку Порты без учета даже германского диктата, не говоря о притязаниях Совнаркома.

Важнейшим признаком будущего оформления Закавказья в локальную подсистему стали не только переговоры в Трапезунде, но и специфическая манера их сочетания с продолжением наступления османских войск вне зависимости от хода консультаций и обсуждаемых договоренностей. Следует отметить, что именно здесь сложилась модель, вскоре опробованная во время операции «Фаустшлаг», т.е. в ходе наступления германских, а затем и австро-венгерских войск, продолжавшегося не только до подписания мира в Брест-Литовске 3 марта, но и после него. Выстраивавшая под свою диктовку «окончательный» облик мира с Советской Россией Германия недооценила угрозу своих действий младотурок в далеком регионе, ведь она полагала, что сможет удовлетворить их амбиции, предложив им сформулировать свои притязания в последний момент перед подписанием соглашения. Итогом этой импровизации стал достаточно опасный своей нечеткостью пункт договора об определении судьбы трех провинций (санджаков), полученных Россией после войны 1877–1878 гг., по итогам плебисцита, что провоцировало Османскую империю на попытку обеспечить выгодные для себя условия проведения этого народного голосования. Однако еще более тяжелые последствия возымел отказ закавказских политиков признавать Брестский мир, ведь они не считали себя связанными обязательствами перед петроградским правительством. Такое следствие конфликта между грузинскими меньшевиками и большевиками, постепенно устанавливавшими однопартийную диктатуру в России, стало настоящим окном возможностей для османского диктата.

Его успешное развитие было вызвано грубыми ошибками в оценке расстановки сил. Хотя развал русской армии был очевиден, а демобилизация ее привела к беспомощности Советской России перед наступлением германских войск с 18 февраля, применительно к Закавказью столь однозначного превосходства османских дивизий не ожидали. Тяжелейшее положение, в котором находились войска Блистательной Порты, казалось, исключало крупные успехи даже против не слишком согласованно действующих национальных

корпусов на основе бывших частей русской армии. Так же полагали и политики в Тифлисе, сильно переоценивая способность национальных вооруженных сил остановить османскую экспансию, а также не осознавая истинные масштабы амбиций младотурок — им впервые за много лет представилась возможность одержать легкие победы.

Убедившись, что подписание Брестского мира вовсе не означает немедленной его имплементации Германией, Австро-Венгрией и Советской Россией, а также в намерении Закавказья вести сепаратные мирные переговоры вне зависимости от условий договора от 3 марта, младотурки приступили к зондированию пределов диктата. Трапезундская мирная конференция, открывшаяся 14 марта в только что взятом войсками Порты «без разрыва перемирия» городе, свелась к затяжкам, не имевшим обязательного характера декларациям различных политиков и к ультиматуму от 6 апреля о принятии турецких условий возможного мира. Он был отвергнут, закавказская делегация вернулась в Тифлис.

До этого момента обстановка в Закавказье складывалась без масштабного участия главных акторов брестского переустройства, не осознавших в должной мере опасности оформления не контролируемой ими подсистемы международных отношений в регионе, где они были лишены существенных рычагов прямого воздействия. Основная стратегия Берлина и Москвы в этом регионе была «заочно» солидарной: не допустить выхода ситуации из-под контроля и пресечь ее дальнейшее развитие без указаний с их стороны. Это означало намерение минимизировать отличие нового устройства Закавказья от предусмотренного в договоре от 3 марта 1918 г. баланса сил (хотя допускалось частичное согласие с уже состоявшимися переменами, в том числе за счет апробированной методики с «волеизъявлением» нужного результата). Германия и Советская Россия собирались навязать новым закавказским государствам статус младших партнеров, а главное — снять с себя необходимость масштабного и прямого вмешательства, особенно военного, даже пригрозив именно этим для необходимого результата.

Османская империя к концу марта пришла к осознанию обратной цели: установления не-брестского порядка в Закавказье. Благодаря ошибкам в расчетах и запоздалой реакции военно-политического руководства Германии на то, чтобы заставить турок от этого отказаться, а затем медленно, но верно встроить деформированный ими и плохо продуманный в Бресте новый порядок устройства Южного Кавказа, ушло по меньшей мере полгода, до начала октября 1918 г. За время «переговоров» в Трапезунде войска Порты заняли все потерянные в 1915–1917 гг. территории, включая Эрзерум, и начали оккупацию Карсской области. Требование турецкой стороны о признании закавказскими политиками условий Брестского мира было снято. Закавказская делегация во главе с А.И. Чхенкели к началу апреля убедилась, что три провинции (Ардаган, Батум, Карс) — минимальная «цена» за остановку османской экспансии, хотя готова была торговаться дальше. Однако в неизбежности территориальных потерь по сравнению с границей 1878 г. было крайне сложно убедить других лидеров, оставшихся в Тифлисе, особенно армянскую часть сейма. Переговоры были разорваны, что привело к новому витку оформления устройства Закавказья под диктовку из штаба командующего османскими войсками в регионе Вехиб-паши.

Последний ускорил наступление на батумском направлении уже 8 апреля, а 15 апреля этот важнейший порт был взят. Накануне в Тифлисе объявили войну Османской империи, неожиданно запросив у Советской России помощи против турецкой агрессии, «от врагов красного флага». Оказать ее в военном отношении последняя была не в состоянии, по крайней мере быстро. К тому же флирт между Москвой и Тифлисом оказался недолгим: ведь ценой за него были категорические требования признания Закавказьем власти Совнаркома и переформирования сейма и кабинета министров. Поэтому всего через несколько дней последовал логичный разворот в противоположном направлении.

Усиление военного давления со стороны турок привело к тому, что сторонники войны с ними (а значит, и с Германией) во главе с Е.П. Гегечкори вынуждены были уступить

власть А.И. Чхенкели, ориентировавшегося на Четверной союз, что сразу привело к разрыву с контролируемой местными большевиками Абхазией²⁵. И немцам, и туркам было очевидно, что рыхлая Закавказская демократическая федеративная республика еще менее способна добиться выгодного для себя мира, нежели большевистская Россия. В Тифлисе крепло лидерство Чхенкели, склонявшегося (по наглядному опыту в Трапезунде) к сделке с Турцией. Падение кабинета Гегечкори сопровождалось официальным отделением от Советской России 22 апреля²⁶. Провозглашение независимости от Москвы Закавказской федерации должно было стать решающим юридическим основанием для пресечения большевистской активности и для скорейшего оформления итогов войны 1914–1918 гг. на Кавказском фронте, внезапно оказавшейся выигранной турками. Независимость Закавказья от большевистской России была желанной для лидеров сейма, однако платой за нее стал бы полный отказ от надежд на мир, хотя бы на большевистских, т.е. брестских, условиях. Это было недвусмысленно продемонстрировано турецкой стороной, как только она 23 апреля получила сообщение о произошедших в Закавказье политических переменах и о готовности немедленно сесть за стол переговоров. Младотурки планировали организовать возвращение тифлисских делегатов в Трапезунд, где в уклонении от продиктованных условий и была бы поставлена точка, так же как это было сделано с большевистскими делегатами в Бресте 1–3 марта²⁷. Однако, поскольку к моменту нового приступа миролюбия в Тифлисе Карс еще не был взят, турецкий генералитет не спешил возобновить мирную конференцию, а потому сразу напомнил о требовании восстановить границы 1877 г. Вскоре Карс был захвачен турецкими войсками, а в ходе боевых действий все чаще сказывался национальный раскол между войсками Закавказской федерации.

В Москве, узнав о ходе переговоров о судьбе Закавказья и о начале турецкого вторжения за пределы установленных в Бресте границ, попытались по дипломатическим каналам немедленно вмешаться. Это спровоцировало встречные усилия Германии по контролю за этими неожиданными для нее последствиями отказа от признания Бреста отделившимися регионами России. Германия же, очевидно, не желала подобной самостоятельности, но и не могла справиться с последствиями усложнения системы и предотвратить появление не только конфликтов, но и горизонтальных или полувертикальных связей в сложной иерархии Брестской системы и ее подсистем.

С большим запозданием германские эмиссары резко интенсифицировали консультации в Стамбуле для согласования пределов турецкой экспансии, завершившиеся заключением 27 апреля 1918 г. подготовленного главой османского Генерального штаба германским генерал-майором Г. фон Сектом секретного соглашения в Константинополе (Стамбуле). Документ фиксировал уже достигнутые османской армией успехи, особенно против армян, но предотвращал экспансию турок в сторону Тифлиса и Баку. В те же дни германские военные инстанции согласовали позицию на будущих переговорах под эгидой Турции о судьбе Закавказья, разработав инструкции для своего делегата — военного атташе в Стамбуле генерал-майора О. фон Лоссова, который должен был действовать как представитель германского правительства, а не Германского Верховного главнокомандования в годы Первой мировой войны. Готовность Германской империи признать результаты долгожданных османских побед в Закавказье была важнейшим условием для согласия Порты вернуться к переговорам с сеймом, хотя куда охотнее они пошли бы на это без участия германского делегата, как и поступили в Трапезунде.

²⁵ Борьба за Октябрь в Абхазии. Сборник документов и материалов 1917–1921 / Под ред. Г.А. Дзидзария. Сухуми, 1967. С. 61–72.

²⁶ См. одну из наименее цензурированных советских версий событий: *Ставровский А.* Закавказье после Октября. М.—Л., 1925. С. 32–48.

²⁷ Это трактуется как мирная инициатива османской стороны, что с учетом продолжавшегося наступления османской армии выглядит почти сарказмом: *Шахин Э.* Указ. соч. С. 80–82.

28 апреля последовало соответствующее заявление Порты в адрес побежденных, а новую конференцию предполагалось открыть в уже контролируемой турецкой армией Батуме. Тем временем едва успевший прибыть в Москву германский посол в России граф Мирбах довел до сведения Народного комиссариата иностранных дел, что в предстоящей конференции будет участвовать и официальный германский представитель. Вплоть до своей гибели 6 июля 1918 г. он продолжал тщетные попытки добиться признания Советской Россией самостоятельности Закавказья.

Младотурецкое правительство и армия, продолжая бои с армянскими формированиями и наступая на тифлисском и эриванском направлениях, добились согласия Закавказской федерации на возобновление переговоров, открывшихся в Батуме 11 мая 1918 г.²⁸ В высокопоставленную турецкую делегацию включили и Джемаль-пашу²⁹. Фактически единственное полномасштабное заседание конференции состоялось в день ее открытия, 11 мая, когда Халил-бей представил новые турецкие требования, превосходившие все самые мрачные ожидания грузин и армян³⁰. Предъявленные в Батуме турецкой делегацией новые территориальные условия сильно отличались от «брестских» рубежей, границы 1877 г. Это подтолкнуло закавказских лидеров привлечь к батумским переговорам Германию³¹. 14 мая Национальный совет Грузии, более не заботясь о судьбе других членов федерации, решил обратиться к германскому правительству с официальной просьбой об активном участии германского представителя в урегулировании турецко-грузинских споров³². Согласие не заставило себя ждать. О вмешательстве в конфликт, нараставший значительно быстрее, чем могли судить в Берлине и Спa, подумывали еще в конце апреля³³. Отправленный в Батум фон Лоссов стал связным между Германским Верховным главнокомандованием и внешнеполитическим ведомством, что не могло не раздражать главу министерства иностранных дел Р. фон Кюльмана. Поставленная задача оказалась, как и ожидали в министерстве, но не в Германском Верховном главнокомандовании, весьма непростой. 15 мая 1918 г. Лоссов известил Берлин о своих первых и неудачных посреднических усилиях у турецких представителей. Османские войска тем временем заняли Александрополь. 19 мая Лоссов предложил и грузинской делегации взять на себя труд по установлению компромисса с турками³⁴. Это стало решающим шагом к форсированию переговоров сразу несколькими сторонами.

Констатировав притязания турок на весь регион до Каспия и Владикавказа включительно, предстоящий выход Грузии из единой Закавказской федерации, Лоссов сформулировал программу действий³⁵. Осознавая необходимость новых инструкций в создавшейся ситуации, он 25 мая покинул Батум, сев на торговое судно под кайзеровским

²⁸ См. грузинскую версию событий от члена огромной (45 человек) закавказской многонациональной делегации: *Авалов З.* Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Воспоминания. Очерки. Paris, 1924. С. 35–53.

²⁹ Впоследствии он упорно доказывал виновность армян в турецкой экспансии в Закавказье, возлагая именно на них ответственность за захваты османскими войсками территорий в феврале–мае 1918 г. В его недописанных и опубликованных посмертно мемуарах цитировались отчеты из Эрзерума русского подполковника Твердохлебова, однако точность цитирования вряд ли возможно проверить: *Djemal Pascha A.* Erinnerungen eines türkischen Staatsmannes. München, 1922. S. 359–384.

³⁰ Это признает и турецкая историография: *Шахин Э.* Указ. соч. С. 86–87.

³¹ *Ланник Л.В.* После Российской империи. Первая германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. С. 383–395.

³² Борьба за победу советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917–1921 гг.) / Сост. С.Д. Беридзе и др. Тбилиси, 1958. С. 264.

³³ См.: *Baumgart W.* Op. cit. S. 177–178.

³⁴ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 302–307; Из истории иностранной интервенции в Армении. Документы и материалы / Под ред. Х.А. Бадаляна. Ереван, 1970. С. 116–117, 124–125.

³⁵ Он запросил присылку германских военных судов и дивизии, хотя бы слабого состава, что впоследствии и было сделано: *Bihl W.* Op. cit. Т. II. S. 56.

флагом. Отправился он, однако, не в Стамбул, а в Потти, где довел дело оформления германского протектората над Грузией до конца³⁶. 28 мая в Потти, точнее на судне «Минна Хорн», Лоссов подписал двусторонние соглашения об условиях вхождения Грузии в сферу интересов Германии (включая займы, пользование железными дорогами и правила хождения германской валюты)³⁷. Тем временем 26 мая 1918 г. турецкая делегация (за 4 часа до получения известий о самороспуске Закавказского сейма)³⁸ предъявила ультиматум в 72 часа принять территориальные условия, обеспечивающие устойчивую связь между собственно турецкой и азербайджанской территориями за счет Грузии и Армении. Узнав о распаде федерации (фактически по грузинской инициативе), Халил-бей попросту переадресовал те же требования уже отдельным государствам — Азербайджанской Демократической республике, Грузинской Демократической республике, Демократической республике Армении.

Германские ведомства были твердо уверены, что решающий раунд в определении судьбы Закавказья последует в Стамбуле на конференции под их управлением, где они готовились поставить турецкие амбиции под контроль жесткими угрозами прекращения военно-финансовой помощи (отзыв Секта и всех офицеров, отказ от защиты территориальной целостности Османской империи и т.д.). Пришедшие 28–29 мая новости — об окончательном распаде Закавказья, о подписании блока германо-грузинских соглашений Лоссовым (с точки зрения Р. фон Кюльмана — с превышением его полномочий)³⁹ и о готовности турок продолжать навязывать свою волю в регионе даже при явном неудовольствии Германии — обесценили все запоздалые попытки германских центральных ведомств взять ситуацию под контроль. Тем не менее германский консул в Тифлисе граф Ф.-В. фон дер Шуленбург (работавший там и до 1914 г.) успел 1 июня довести до сведения Халил-бея, что младотурок с их требованием передать под турецкий контроль грузинские железные дороги уже опередила Германия, а пересмотреть ее соглашения с Грузией не получится⁴⁰. Вскоре о том же заявили и грузинские дипломаты, ведущие двойную игру в ожидании активного вмешательства Германской империи и неизбежной ревизии османского диктата. В результате германские и турецкие войска немедленно получили приказы, как себя вести в случае стычек на станциях грузинских железных дорог, что гарантировало перестрелки и жертвы в случае конфликта союзников.

Предотвратить оформление долгожданного османского (младотурецкого) триумфа было уже невозможно. Двусторонние встречи с грузинскими и армянскими делегатами заняли около четырех дней. Попытки Грузии блефовать германской поддержкой были быстро пресечены, ведь османы слишком хорошо знали, что никакими реальными силовыми средствами в регионе Германия не обладает. 4 июня 1918 г. были подписаны Батумские договоры о мире и о дружбе (в том числе между Портой и Демократической республикой Армения), а также дополнительные соглашения⁴¹, сформировавшие отдельный «закавказский Брест» или, по меньшей мере, «закавказскую редакцию» договора от 3 марта. Помимо получения якобы уже уступленных Турции в Бресте трех провинций (санджаков), Османская империя приобретала территорию в 12,5 тыс. кв. км от Ахалциха до Нахичевани с населением (до массовых миграций) около 650 тыс. человек, из которых мусульмане составляли около 220 тыс. Общие приобретения по сравнению

³⁶ В современной грузинской историографии последующий период называется «взаимодействием», а термин «оккупация» в отношении присутствия германских войск в Закавказье не употребляется вовсе: *Chanturia L. Hundert Jahre der ersten Republik Georgiens und Deutschland // Erster Weltkrieg im östlichen Europa und die russischen Revolutionen 1917 / Hrsg. von A. Trunk, N. Panych. Berlin, 2019. S. 29–40.*

³⁷ Борьба за победу советской власти в Грузии. С. 275–279.

³⁸ *Авалов З.* Указ. соч. С. 61–62.

³⁹ См.: *Bihl W.* Op. cit. Т. II. С. 59–63.

⁴⁰ *Пуния Г.В.* Указ. соч. С. 42.

⁴¹ Из истории иностранной интервенции в Армении. С. 154–167, 169–174.

с границами 1877 г. составили 43,3 тыс. кв. км, лишив Грузию и Армению не менее одной пятой их территорий в пределах российского Закавказья. Более того, такой результат был получен после отказа турок от присоединения и еще нескольких округов, «уступленных» Грузии и будущему Азербайджану⁴². В этот же день младотурки подписали договоры о дружбе (т.е. о военной помощи) и с эмиссарами Горской республики, и с азербайджанской делегацией, всего шесть соглашений. Таким образом, общее число документов, положенных в основу нового продиктованного Портой порядка на землях между Черным и Каспийским морями, достигло 20⁴³.

Османская империя, вернув себе границы едва ли не 1828 г., посчитала себя слишком сдержанной в официальных требованиях, а потому продолжила наращивать оккупированные территории. Но и на пике османского триумфа, в момент оформления Батумской подсистемы международных отношений, проблем в имплементации ее базовых договоров от 4 июня было столько, что жизнеспособность созданного устройства региона вызвала самые серьезные опасения. Германская империя и Советская Россия были убеждены в необходимости стабилизации Брестской системы⁴⁴, а также включения в пространство ее функционирования Закавказья, что требовало сложных компромиссов между региональными акторами и великими державами. Параметры германо-грузинского взаимодействия были пока неизвестны, однако само его существование позволяло Грузии оказывать сопротивление османской экспансии, блокируя переброски войск по своей территории. Быстро прогрессировал конфликт в Абхазии, на которую претендовали и Тифлис, и Москва, и эмиссары Горской республики. Потерявшая значительные территории Армения оказалась в состоянии прогрессирующей гуманитарной катастрофы. Известный армянский командир Андраник Озаян отказался признать Батумский договор, не остановившись перед разрывом с ереванским правительством, и попытался прорваться в Персию на соединение с англичанами. Относительно лояльные к младотуркам Азербайджан и Горская республика не контролировали и четверти территорий, на которые претендовали, включая столицы. Все великие державы, претендующие на контроль над регионом, — Германская империя, Британская империя и Советская Россия — не имели возможности блокировать османскую активность немедленно, однако не скрывали вектор своих устремлений именно в этом направлении. Перечисленные факторы предопределили не только быстрый итоговый крах Батумской подсистемы, но и недолгий ход имплементации продиктованных младотурецким правительством 4 июня 1918 г. договоров.

Библиография

Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Воспоминания. Очерки. Paris, 1924.

Борьба за Октябрь в Абхазии. Сборник документов и материалов 1917–1921 / Под ред. Г.А. Дзидзария. Сухуми, 1967.

Борьба за победу советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917–1921 гг.) / Сост. С.Д. Беридзе и др. Тбилиси, 1958.

Бэйли Ф. Миссия в Ташкент / Пер. с англ. А. Михайлова. М., 2013.

Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. Сборник статей / Ред. Р. Герварт и Д. Хорн. М., 2014.

Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. Воспоминания / Пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.

Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919.

⁴² Bihl W. Op. cit. Т. II. S. 239–240. Текст договора с Грузией и всех дополнительных договоров и приложений: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 343–365.

⁴³ Шахин Э. Указ. соч. С. 91.

⁴⁴ Ланник Л.В. Указ. соч. С. 33–70.

- Завриев Д.С.* К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1947.
- Из истории иностранной интервенции в Армении. Документы и материалы / Под ред. Х.А. Бадаляна. Ереван, 1970.
- Истагин Л.Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М., 1979.
- Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004.
- Ланник Л.В.* После Российской империи. Первая германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.
- Марыхуба И.* Абхазия: прошлое и настоящее. Сухум, 2007.
- Миньяр-Белоручев К.В.* Взаимодействие ядра и периферии системы международных отношений в историческом аспекте // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 5–20.
- Мирзеханов В.С.* Пересечение и взаимовлияние региональной и национальной истории: методологические этюды // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). URL: <https://history.jes.su/s207987840012994-2-1/> (дата обращения: 15.01.2021).
- Мирзеханов В.С.* Версаль и Турция: тернистый путь к национальному государству // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 6 (80). URL: <https://history.jes.su/s207987840006002-1-1/> (дата обращения: 15.01.2021).
- Муханов В.М.* Кавказ в революционную пору... к истории Закавказья в 1917 – первой половине 1918 г. М., 2017.
- Пипия Г.Н.* Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978.
- Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019.
- Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1919 гг.). Документы и материалы / Под ред. Х.А. Амирханова и др. Махачкала, 2013.
- Ставровский А.* Закавказье после Октября. М.–Л., 1925.
- Суни Р.Г.* Диалог о геноциде: усилия армянских и турецких ученых по осмыслению депортаций и резни армян во время Первой мировой войны // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 75–114.
- Улунян А.А.* Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.
- Фишер Ф.* Рынок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2016.
- Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М., 1964.
- Шахин Э.* Отделение Кавказа от России в первые послереволюционные годы (1917–1918) // Русский сборник. Т. 28. Гражданская война и интервенция в России. М., 2020. С. 45–99.
- Bachinger B.* Die Mittelmächte an der Saloniki-Front 1915–1918. Zwischen Zweck, Zwang und Zwist. Paderborn, 2018.
- Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien – München, 1966 (Mainz, 2010).
- Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. I. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917. Wien – Köln – Weimar, 1975.
- Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien – Köln – Weimar, 1992.
- Blücher W.v.* Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Biebrach, 1949.
- Chanturia L.* Hundert Jahre der ersten Republik Georgiens und Deutschland // Erster Weltkrieg im östlichen Europa und die russischen Revolutionen 1917 / Hrsg. von A. Trunk, N. Panych. Berlin, 2019. S. 29–40.
- Croissant M.P.* The Armenia – Azerbaijan Conflict: Causes and Implications. London, 1998.
- Djermal Pascha A.* Erinnerungen eines türkischen Staatsmannes. München, 1922.
- Essad Bey.* Blut und Öl im Orient. Leipzig, 1929.
- Friedrich Freiherr Krell von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.
- Gehrke U.* Persien in der deutschen Orientpolitik während Ersten Weltkrieges, 2 Bde. Stuttgart, 1960.
- Hentilä M., Hentilä S.* 1918 – das deutsche Finnland: die Rolle der Deutschen im finnischen Bürgerkrieg / aus dem Finn. von B. Schweitzer. Bad Vilbel, 2018.
- Kieser H.-L.* Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniengenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020.
- Niedermayer O.v.* Unter der Glutsonne Irans. Kriegserlebnisse der deutschen Expedition nach Persien und Afghanistan. München, 1925.
- Paraquin E.* Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.].

Suny R.G. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // *The Journal of Modern History*. 2001. Vol. 73. № 4. P. 862–896.

Volk H. Öl und Mohammed: “Der Offizier Hindenburgs” im Kaukasus. Breslau, 1938.

Zürner W. Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.

Zürner W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern – Frankfurt a.M. – Las Vegas, 1978.

References

Avalov Z. Nezavisimost' Gruzii v mezhdunarodnoj politike 1918–1921 gg. Vospominaniya. Ocherki [The independence of Georgia in the international politics of 1918–1921. Memories. Essays]. Paris, 1924. (In Russ.)

Bejli F. Missiya v Tashkent / Per. s angl. A. Mihajlova [Mission to Tashkent / Translated from English by A. Mikhailov]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Bor'ba za Oktyabr' v Abkhazii. Sbornik dokumentov i materialov 1917–1921 / Pod red. G.A. Dzidzariya [The struggle for October in Abkhazia. Collection of documents and materials 1917–1921 / Ed. G.A. Dzidzaria]. Suhumi, 1967. (In Russ.)

Bor'ba za pobedu sovetской vlasti v Gruzii. Dokumenty i materialy (1917–1921 gg.) / Sost. S.D. Beridze i dr. [The struggle for the victory of Soviet power in Georgia. Documents and materials (1917–1921) / Comp. S.D. Beridze et al.]. Tbilisi, 1958. (In Russ.)

Dunsterville. Britanskij imperializm v Baku i Persii 1917–1918. Vospominaniya / Per. B. Rudenko [Dunster ville. British Imperialism in Baku and Persia 1917–1918. Memoirs / Translated B. Rudenko]. Tiflis, 1925. (In Russ.)

Dokumenty i materialy po vneshnej politike Zakavkaz'ya i Gruzii [Documents and materials on the foreign policy of Transcaucasia and Georgia]. Tiflis, 1919. (In Russ.)

Fisher F. Ryok k mirovomu gospodstvu. Politika voennyh celej kajzerovskoj Germanii v 1914–1918 gg. / Per. s nem. i komm. L.V. Lannika [A leap to world domination. The policy of military goals of Kaiser's Germany in 1914–1918. Translate from German and comm. L.V. Lannik]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Hejfec A.N. Sovetskaya Rossiya i sopredel'nye strany Vostoka v gody Grazhdanskoj vojny (1918–1920) [Soviet Russia and the neighboring countries of the East during the Civil War (1918–1920)]. Moskva, 1964. (In Russ.)

Istvagin L.G. Germanskoe proniknovenie v Iran i rusско-germanskie protivorechiva nakanune pervoi mirovoj vojny [The German expansion in Iran and Russian-German controversies on the eve of the First World War]. Moskva, 1979. (In Russ.)

Iz istorii inostrannoj intervencii v Armenii. Dokumenty i materialy / Pod red. H.A. Badalyana [From the history of foreign intervention in Armenia. Documents and materials / Ed. H.A. Badalyan]. Erevan, 1970. (In Russ.)

Kazem-Zadeh F. Bor'ba za vliyanie v Persii. Diplomaticeskoe protivostoyanie Rossii i Anglii [Russian and Britain in Persia]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Lannik L.V. Posle Rossijskoj imperii. Pervaya germanskaya okkupaciya 1918 g. [After the Russian Empire. The first German Occupation of 1918]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Maryhuba I. Abkhaziya: proshloe i nastoyashchee [Abkhazia: Past and present]. Suhum, 2007. (In Russ.)

Min'yar-Beloruhev K.V. Vzaimodejstvie yadra i periferii sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij v istoricheskom aspekte [Interaction of the core and periphery of the system of international relations in the historical aspect] // *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History]. 2020. № 4. S. 5–20. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Peresechenie i vzaimovliyanie regional'noj i nacional'noj istorii: metodologicheskie etyudy [Intersection and mutual influence of regional and national history: methodological studies] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2020. T. 11. Vyp. 12 (98). URL: <https://history.jes.su/s207987840012994-2-1/> (access date: 15.01.2021). (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Versal' i Turtsiia: ternisty put' k natsional'nomu gosudarstvu [Versailles and Turkey: a thorny path to a national state] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2019. T. 10. Vyp. 6 (80). URL: <https://history.jes.su/s207987840006002-1-1/> (access date: 15.01.2021). (In Russ.)

Muhanov V.M. Kavkaz v revolyucionnuyu poru...: k istorii Zakavkaz'ya v 1917 – pervoj polovine 1918 g. [The Caucasus in the revolutionary era...: on the History of Transcaucasia in 1917 – the first half of 1918]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Pipiya G.N. Germaniskij imperializm v Zakavkaz'e v 1910–1918 gg. [German imperialism in Transcaucasia in 1910–1918]. Moskva, 1978. (In Russ.)

Sergeev E.Yu. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnosheniya: ot intervencii k priznaniyu, 1918–1924 [The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations: from Intervention to Recognition, 1918–1924]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Shahin E. Otdelenie Kavkaza ot Rossii v pervye poslerevolucionnyye gody (1917–1918) [Separation of the Caucasus from Russia in the first post-revolutionary years (1917–1918)] // Russkij sbornik. T. 28. Gragdanskaya vojna i intervenzii v Rossii [Russian collection. Vol. 28. Civil war and intervention in Russia]. Moskva, 2020. S. 45–99. (In Russ.)

Soyuz ob'edinennykh gorcov Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.) i Gorskaya respublika (1918–1919 gg.). Dokumenty i materialy / Pod red. H.A. Amirhanova i dr. [Union of the United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917–1918) and the Mountain Republic (1918–1919). Documents and materials / Eds H.A. Amirkhanov et al.]. Mahachkala, 2013. (In Russ.)

Stavrovskij A. Zakavkaz'e posle Oktyabrya [Transcaucasia after October]. Moskva – Leningrad, 1925. (In Russ.)

Suni R.G. Dialog o genocide: usiliya armyanskikh i turekikh uchenykh po osmysleniyu deportacij i reznii arмян во время Первой мировой войны [Dialogue on the Genocide: the Efforts of Armenian and Turkish Scholars to Comprehend the deportations and massacres of Armenians during the First World War] // Imperiya i naciya v zerkale istoricheskogo pamyati [Empire and Nation in the Mirror of Historical Memory]. Moskva, 2011. S. 75–114. (In Russ.)

Ulunyan A.A. Turkestanskij placdarm 1917–1922. Britanskoe razvedyvatel'noe soobshchestvo i britanskoe pravitel'stvo [Turkistan bridgehead 1917–1922. The British Intelligence community and the British Government]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Voina vo vremya mira: Voenizirovannye konflikty posle Pervoi mirovoi vojny. 1917–1923. Sbornik statei / Red. R. Gervart i D. Khorn [War in time of peace: Paramilitary conflicts after the First World War. 1917–1923. Collection of articles / Eds R. Gervart and D. Horn]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Zavriev D.S. K novejšej istorii severo-vostochnykh vilajetov Turcii [On the Recent History of the North-Eastern Vilayets of Turkey]. Tbilisi, 1947. (In Russ.)

Bachinger B. Die Mittelmächte an der Saloniki-Front 1915–1918. Zwischen Zweck, Zwang und Zwist. Paderborn, 2018.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien – München, 1966 (Mainz, 2010).

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. I. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917. Wien – Köln – Weimar, 1975.

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien – Köln – Weimar, 1992.

Blücher W.v. Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Biebrach, 1949.

Chanturia L. Hundert Jahre der ersten Republik Georgiens und Deutschland // Erster Weltkrieg im östlichen Europa und die russischen Revolutionen 1917 / Hrsg. von A. Trunk, N. Panych. Berlin, 2019. S. 29–40.

Croissant M.P. The Armenia – Azerbaijan Conflict: Causes and Implications. London, 1998.

Djemal Pascha A. Erinnerungen eines türkischen Staatsmannes. München, 1922.

Essad Bey. Blut und Öl im Orient. Leipzig, 1929.

Friedrich Freiherr Kreß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.

Gehrke U. Persien in der deutschen Orientpolitik während Ersten Weltkrieges, 2 Bde. Stuttgart, 1960.

Hentilä M., Hentilä S. 1918 – das deutsche Finnland: die Rolle der Deutschen im finnischen Bürgerkrieg / aus dem Finn. von B. Schweitzer. Bad Vilbel, 2018.

Kieser H.-L. Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020.

Niedermayer O.v. Unter der Glutsonne Irans. Kriegserlebnisse der deutschen Expedition nach Persien und Afghanistan. München, 1925.

Paraquin E. Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.].

Suny R.G. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. № 4. P. 862–896.

Volk H. Öl und Mohammed: “Der Offizier Hindenburgs” im Kaukasus. Breslau, 1938.

Zürner W. Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.

Zürner W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern – Frankfurt a.M. – Las Vegas, 1978.